

Мейрамғалиева Р.М.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета
имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: mrm.raigul@mail.ru

А.М. ГОРЬКИЙ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: ПОЛЕМИЧНОСТЬ ИХ ТВОРЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема полемичности творчества крупнейших представителей русской литературы XIX и XX веков Алексея Максимовича Горького и Федора Михайловича Достоевского, которая была исследована многими литературоведами прошлого столетия.

Автор статьи подчеркивает, что полемичность произошла между планом содержания и планом выражения, в результате чего можно воспринимать форму в отвлечении от содержания, а содержание в отвлечении от формы или даже противопоставить их друг другу.

В статье подчеркивается мысль, что творческом сознании А. Горького Федор Достоевский всегда зримо или незримо присутствовал 90-х годов вплоть до «Жизни Клима Самгина». Проблема «Горький и Достоевский» очень важна для понимания этических и эстетических взглядов Горького.

В статье обосновывается идея о том, что в работах, посвященных проблеме «Горький и Достоевский» есть одна особенность, общая для всех – неприятие Горьким Достоевского «социальной педагогики Достоевского», вызвавшая в свое время оживленную полемику в книге Ю. Кудрявцева «Три круга Достоевского».

Ключевые слова: писатели, полемика, содержание и форма произведения, идея, идеология, поток сознания, обоснование.

Meiramgaliyeva R.M.

A.M. Gorky and F.M. Dostoevsky: polemicism of their creativity

The article discusses the problem of the polemics on works of the greatest representatives of Russian literature of the 19th and 20th centuries Alexey Maximovich Gorky and Fedor Mikhailovich Dostoevsky, which was studied by many literary scholars of the last century.

The author of the article emphasizes that the polemic occurred between content and expression plan, as a result of which one can perceive the form in abstraction from content, and content in abstraction from the form or even opposing them to each other.

The article emphasizes the idea that in the creative consciousness of A. Gorky Fyodor Dostoevsky has always visibly or invisibly attended since the 90s up to the «Life of Klim Samgin». The problem of Gorky and Dostoevsky is very important for understanding the ethical and aesthetic views of Gorky.

The article proves the idea that works devoted to the problem of «Gorky and Dostoevsky» there is one feature common to most is Gorky's rejection of Dostoevsky's «social pedagogy», which was precisely defined, prompting in due time lively polemics the book by Yu. Kudryavtseva «ThreecirclesofDostoevsky.»

Key words: writers, polemic, the content and form of work, the idea, ideology, the stream of consciousness, the rationale.

Мейрамғалиева Р.М.

А.М. Горький мен Ф.М. Достоевский: шығармашылық бойынша полемикасы

Бұл мақалада XIX-XX ғғ. жазушылардың – Алексей Максимович Горький мен Федор Михайлович Достоевскийдің араларында болған полемика қарастырылады.

Мақаланың авторы полемиканың себептілігі әдеби шығармалардағы мазмұн мен түр арасындағы байланысы және олардың бір-біріне қарсыекенін дәлелдейді.

Мақалада А. Горькийдің шығармашылық санасында Ф. Достоевский 90-шы жылдардан басталып «Жизни Клима Самгина» атты роман жазылғанша болғаны көсетіледі. «Горький мен Достоевский» мәселесі А. Горькийдің этикалық және эстетикалық көзқарасын анықтауға керек – деп автор санайды.

Мақалада «Горький мен Достоевский» мәселеге арналған еңбектерде тек қана бір пікір бар екені – ол Горький «Достоевскийдің әлеуметтік педагогикасын» қабылдамауы, оны кезінде Кудрявцева Ю. «Три круга Достоевского» атты кітап шығарып, тағы көп полемика тудырғаны дәлелденеді.

Түйін сөздер: жазушылар, полемика, әдеби шығармалардағы мазмұн мен түр, идея, идеология, сана ағымы, негіздеу.

В русской литературе имена: Алексей Максимович Горький и Федор Михайлович Достоевский знакомо каждому с детства, пожалуй, никто из русских писателей не подвергался таким усиленным исследованиям, как они.

Литературоведы резко противопоставляют Горького и Достоевского как идеологов, утверждая мнение о том, что в их творчестве нет ничего общего или же подходят к ним как к врагам в сфере идеологии или «союзникам» в сфере художественной, то в обоих случаях вольно или невольно воздвигается полемичность между планом содержания и планом выражения. Получается, что можно воспринимать форму в отвлечении от содержания, а содержание в отвлечении от формы или даже противопоставить их друг другу.

Однако на самом деле их неразрывная связь, тем более в реалистическом художественном творчестве, не требует даже доказательств, она безусловна. И если Горький использует, а тем более развивает какие-либо художественные приемы Достоевского, то он не берет при этом «чистую форму». Например, многие исследователи признают очевидную близость в использовании Горьким и Достоевским приема «двойничества», но это означает, что сходным было их понимание психологических процессов в сознании человека, а это уже взаимосвязь в сфере идей.

Сравним двух героев, выбранных Достоевским и Горьким. Достоевский настойчиво отмечает отщепенство Раскольникова, подчеркивает одиночество героя и речь идет не только о психологическом одиночестве, что естественно в предлагаемых обстоятельствах. Горький отмечает, что это характерно также для образа Ильи, испытывающего, по словам автора, «жуткое ощущение одиночества», – в данном случае делается упор на социальную изолированность героя, на его отдаленность от среды, от нормаль-

ной человеческой среды, даже своей, студенческой, даже, наконец, семейной – это дает преступлению известное объяснение.

Характеры и обстоятельства, подобранные под углом зрения чрезвычайности, выдают цель автора объяснить бунт Раскольникова его оторванностью от народной почвы и его книжной, заимствованной мудростью.

Горький же, выводя рядового, неотличимого, «серого» человека, взятого из гущи народной массы, демонстрирует самую эту почву, оберегать которую от расколичества призывает Достоевский.

Отказываясь от чрезвычайности в изображении характера, Горький отказывается от чрезвычайности в изображении обстоятельств. «Сверкающий метеор» свидригайловщины рассыпается в горьковской повести на бесчисленное количество мелких и мельчайших частиц, расплывается в воздухе, которым, не замечая, дышат герои... Происходит неустанное, непрерывное, повсеместное уничтожение человека, уничтожение его жизни, здоровья, чести, достоинства и т. д. Происходит оно ежедневно, ежечасно, многообразно и в массовом масштабе, составляет каждодневность жизни, ее быт, ее привычки, «скуку жизни» и доходит до степени такой естественности, что возникает представление: такова есть и должна быть человеческая жизнь и другой быть не может, такова норма жизни. «Его глаза раскрывались шире, смотрели глубже в жизнь... Он ясно видел, что все люди идут к одной с ним цели, – ищут той же спокойной, сытой и чистой жизни... И никто не стесняется оттолкнуть со своей дороги другого, если он мешает ему; все жадны, безжалостны, часто обижают друг друга, не имея в этом надобности, без пользы для себя, только ради удовольствия обидеть человека».

Шире и глубже изучая окружающую его жизнь, герой приходит к убеждению, что все люди хотят сытой жизни и что для достижения

ее безжалостно пожирают друг друга и получают от этого удовольствие. Вот она – свидригайловщина в ее будничном, рядовом, заурядном, «затрапезном» виде.

Горький настойчиво призывал человека быть человеческим особенно тогда, когда для этого открылась широкая возможность. Однако в вопросе о том, что является определяющим во взаимодействии среды и личности и кто кого в конечном итоге исправляет, Горький отказывался от тех роковых, хотя и соблазнительных иллюзий, которым с таким упорством предавался Достоевский.

Горький, продолжая свою полемику, охотно брал ради проверки самой жизнью (которую он знал как никто другой) этот неприемлемый для него взгляд и производил его испытание со всевозможной добросовестностью, словно давая понять, что тезис «ведь, сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею, ведь только этим и можно ее исправить», подтвердится и восторжествует на практике. Следовательно, возможно будет обойтись без насилия и без революции, то он, Горький, первый этому обрадуется и признает правоту своего противника.

Однако весь путь Лунева до и после преступления, с чрезвычайной тщательностью и объективностью прослеженный Горьким, опровергает тезис Достоевского. Лунев упорно стремится быть лучшим в надежде, что если он станет лучшим, – а он и в самом деле, по возможности, становится лучшим, – то и среда станет лучшею. Однако среда не только не становится лучшей, но ему самому не позволяет быть лучшим, несмотря на его сопротивление, приводит его к послушанию, наказывая его за эту строптивость, за его донкихотскую борьбу – провалом избранной им «линии».

Горький в повести «Трое» поставил главного героя в ситуации сходные с теми, в которых оказывались герои Достоевского, задал те же вопросы, которые волновали Достоевского, – о смысле и цели человеческой жизни, и дал свои ответы на них. Горьковское обоснование системы взглядов Лунева на жизнь как бы полемически заострено против философской теории Раскольникова – героя «Преступления и наказания» Достоевского. Горький ведет своего героя не к признанию, а к отрицанию идеи Божественного промысла, более того – к отрицанию Бога. Полемизируя с христианской доктриной Достоевского, его призывом к «гордому человеку» смириться. Горький утверждает возможность и право человека

понять законы, по которым развивается человеческая жизнь, найти основанный на разуме, а не на религии выход из ее социальных тупиков.

Если истину жизни человека Достоевский видел в отказе от социальной борьбы и звал к смирению, к принятию страдания, то Горький доказывал необходимость социальной активности человека в борьбе за социальное и духовное самоопределение. Раскольников и Грачев, Соня Мармеладова и Софья Медведева несли в мир противоположные нравственные идеи. Герои Достоевского – смирение и покаяние, герои Горького – социальную и нравственную активность. Тоскливому примирению с жизнью Якова, анархической беспочвенности бунта Лунева Горький противопоставляет социальную позицию Павла.

Проблема «Горький и Достоевский» очень важна для понимания этических и эстетических взглядов Горького.

Следует подчеркнуть, что Достоевский всегда зримо или незримо присутствовал в творческом сознании Горького – с 90-х годов вплоть до «Жизни Клим Самгина».

По словам Горького, «Достоевский, этот, злой гений литературы нашей» – как художник всегда оказывал на Горького огромное влияние, несмотря на различие их общественных и нравственных взглядов. И чем сильнее было притяжение, тем сильнее Горький пытался противиться этике и религии Достоевского.

Илья Лунев в романе «Трое» убивает купца Полуэктова без всякого плана, без «теории» (как Раскольников), повинувшись инстинкту сильного и здорового мужчины, на пути которого стоит жалкое и отвратительное существо.

В русской традиции вопрос о преступлении неразрывно связан с вопросом о наказании, притом не юридическом, а нравственном. В романе Достоевского «Преступление и наказание» преступника наказывает не общество, не юридическое лицо, но Верховная Воля, перед которой бледнеют институты власти. Подлинное наказание – это чувство вины, совесть, истязавшие Раскольникова.

Однако в начале века возникает и другая традиция. Понимать преступление, даже и самое тяжкое – убийство, не как вину, но как беду преступника, тем самым снимая с него всякую ответственность и возлагая вину на окружающий мир в самом широком смысле слова. Вопрос о «несчастном» (говоря словами Ницше, «бледном») преступнике ставится в творчестве Горького. Свое художественное воплощение такая

постановка вопроса обрела в романе «Трое», где проблема «преступления и наказания» нашла совсем другое решение, нежели в известном романе Достоевского.

Причем это роман, написанный под влиянием Достоевского и в то же время в споре с ним.

Однако проблема состоит в том, что спор этот Горький выиграть не мог, потому что, в отличие от Достоевского или Ницше, у него не было своей ясной концепции «преступления и наказания». Весь ужас и экзистенциальная «черная дыра» этого романа заключаются в том, что Илья Лунев совершил именно бессмысленное убийство. В этом убийстве выразились его отчаяние найти смысл жизни и как бы месть мирозданию. Но месть эта оказалась настолько ничтожна, что Илье ничего не оставалось, как покончить с собой.

Согласитесь, старик Полуэктов – мерзавец, развратник, куда отвратительней старухи-процентщицы, которую убивает Раскольников. Он своего рода воплощение мирского срама, нечистоты, от которых страдает душевно ранимый Лунев (здесь угадывается натура самого Горького). Но как ни странно, именно это будто бы «моральное» оправдание убийства и есть последний приговор Луневу. Раскольников убивает «теоретически». Он осознает свой поступок как преступление и играет в «орла и решку»: сможет он вынести собственное преступление в душе своей или нет? Если – да, он – сверхчеловек. Если – нет, он – «тварь дрожащая». Лунев же вовсе не воспринимает свой поступок как преступление. Ему просто противно и все. Вот где ужас!

««Зачем я его удушил?» – спрашивал он себя». Раскольников знал, для чего убивал. Божественное начало победило в нем, опровергнув теоретического человека. Лунев же убил «просто так». Здесь нет предмета для высшего духовного спора.

Вместе с тем сцена убийства Полуэктова очень напоминает убийство Раскольникова, и это говорит о том, что Горький осознанно спорил с автором «Преступления и наказания».

Убийство здесь показано как освобождение от какой-то неизвестной внутренней тяжести. Как будто в старике Илья Лунев убил кого-то, кто виноват в том, что его, Лунева, жизнь не удалась, лишена смысла. Он и сам не понимает, зачем это сделал, и не чувствует за собой никакой вины. Напротив – это самое интересное в полемике Горького с Достоевским – виноват в беде Лунева как раз убитый им Полуэктов, виноват в том, что убийство, оказалось бессмысленным.

Вот Илья Лунев зачем-то (в романе часто поступки героя никак не мотивированы) приходит на могилу Полуэктова: «Памятник Полуэктова изображал гробницу, на крыше была высечена развернутая книга, череп и кости голени, положенные крестом. Рядом, в этой же ограде, помещалась другая гробница, поменьше; надпись гласила, что под нею покоится раба Божия Евпраксия Полуэктова, двадцати двух лет».

Полуэктов в буквальном смысле «заел» чужую молодую жизнь. И не одну. Так в чем же каяться Илье? Так по логике автора. Но с этим не согласился бы не только Достоевский, но и Ницше. Хотя у Ницше и говорится о том, что «земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмерным множеством людей». Так говорил Заратустра в своей притче «О бледном преступнике»: Вы не хотите убивать, – вы, судьи и жертвоносители, пока животное не наклонит головы? Взгляните, бледный преступник склонил голову, из его глаз говорит великое презрение. По словам Ницше, совершивший убийство человек прежде всего убивает человека в себе, таким образом он как бы «превосходит» человека. Но его бедный разум не выдерживает этого «безумного» поступка, и после убийства он еще и грабит свою жертву, чтобы тем самым как-то объяснить собственное преступление. «Бледному» преступнику не хватило духа совершить убийство «просто так», ради «счастия ножа». Если бы Лунев и Раскольников убили и не ограбили, вот тогда бы они стали преступниками в высшем смысле – почти уже «сверхчеловеками».

Так, весьма своеобразно, понял Ницше роман Достоевского «Преступление и наказание», который оказал на него огромное воздействие. Но так же своеобразно понял Горький проповедь Ницше о «бледном» преступнике, фактически дав в своем романе иллюстрацию этой притчи Заратустры. Илья тоже не признает суда над собой, смеется над следователем, судьями. Но это смех опустошенного человека, потому что Илья не чувствует, что совершил страшный грех. Он не преступник в своем понимании. Вина за убийство – что, повторяем, парадоксально! – лежит на Полуэктове. Вот такая происходит подмена нравственных координат.

Последнее страшное кощунство Лунева может затмить для читателя главный внутренний смысл этого отрывка. Ведь именно в нем разгадка убийства и его единственный мотив.

Обида! Это самый могучий душевный двигатель героев раннего Горького. Обида! На мир, на Бога, за то, что Он создал «людей», но не объ-

яснил им смысл и назначение «человека». Что такое этот «человек»? Простая единица, которой измеряется количество «людей»? Просто социальное животное? Почему Илья, красивый, здоровый и умный парень, должен работать разносчиком мелкого дамского товара, разных ленточек, побрякушек? Разве для этого Бог вдохнул в него душу, заставив страдать и мучиться поисками смысла своего бытия?

С этого момента Илья подсознательно задумал «убийство Бога». Но где Бог? И вот – опять же подсознательно – он решился на убийство менялы Полуэктова, который воплотил в себе все самое грязное в этом мире, убив Полуэктова, Лунев и в самом деле убил Бога в себе. Не может пройти безнаказанным такой тяжкий грех, если останется без покаяния. После убийства Илье думать «уже не хотелось ни о чем: грудь его была полна в этот час холодной бесконечностью и тоскливой пустотой, которую он видел в небе, там, где раньше чувствовал Бога». И так, «Бог умер». Но «убийство Бога» не стало для Ильи актом дерзкого человеческого вызова небесам. Оно обернулось «грязным» убийством «с ограблением». Мерзостью.

В конце романа Лунев разбивает себе голову о стену. Это очень символический жест. Для Горького он означал один из тупиков его «умствований», из которого он когда-то отправился в странствие по Руси – новое странствие.

Известный литературовед Б. Михайловский писал о произведениях Достоевского: «Жизнь идей пронизывает его художество, и к Достоевскому нельзя подойти, нельзя понять его, не углубляясь, в богатый и своеобразный мир его идей... Достоевский открывает новые миры. Но те, которые ограничивают себя интересом... к формальной стороне его художества, те закрывают себе доступ к этим мирам» [1, 12]. В прин-

ципе, это утверждение можно отнести и к творчеству Горького. Поэтому формальные методы исследования по отношению к этим писателям оказываются недостаточными для понимания сути их творчества, но то же самое касается и социологического метода.

Таким образом, в работах, посвященных проблеме «Горький и Достоевский», есть одна особенность, общая для большинства из них. Обычно литературоведы говорят о неприятии Горьким «социальной педагогики Достоевского», однако не уточняют семантику этого понятия, употребляют его в качестве синонима к понятию «философия Достоевского». Но необходимо учитывать, что они на самом деле вовсе не синонимичны. Получается, что философское глубже социального, «социальная педагогика» еще не отражает всей глубины философских идей. В этом плане очень интересна вызвавшая в свое время оживленную полемику книга Ю. Кудрявцева «Три круга Достоевского».

Ю. Кудрявцев выделяет в произведениях Достоевского три пласта проблематики: «сегодняшнее» («событийное»), «временное» («социальное») и «вечное» («философское»). Если принять такую терминологию, то «социальная педагогика» должна быть отнесена ко второму «кругу», а философия – к третьему. Что касается «социальной педагогики» Достоевского, то она действительно не принималась Горьким. На этом уровне можно выстроить впечатляющий ряд противопоставлений. Например, призыв Достоевского «Смирись, гордый человек!» Горький воспринимал как проповедь покорности, терпения и противопоставлял ему призыв к активности, борьбе и знаменитый тезис: «Человек – это звучит гордо!». Достоевский – противник социализма, революции, а Горький – «буревестник». Достоевский – «почвенник», а Горький – «западник» и так далее.

Литература

- 1 Михайловский Б. Творчество М. Горького и мировая литература. – Москва, 1965.
- 2 Кудрявцева Ю. Три круга Достоевского. – М., 1979.

References

- 1 Mihajlovskij B. Tvorchestvo M. Gor'kogo i mirovaya literatura. – Moskva, 1965.
- 2 Kudryavceva YU. Tri kruga Dostoevskogo. – M., 1979.